Харджиев
Николай Иванович

Б. К. Лившиц.

„Волчье солнце." Книга стихов вторая".

Книга: М., Гилея, 1914

С рисунками А. А. Экстер,
Е. Васильевой, Д. Д. Бурлюка

Крайние даты 1914

Количество документов ______

Количество листов 60 стр.

ФУТУРИСТЫ

„ГИЛЕЯ“

В. Хлѣбниковъ, В. Каменскій, Б. Лившицъ, Давидъ, Владиміръ, Николай Бурлюки, А. Крученыхъ, В. Маяковскій.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

ВОЛЧЬЕ СОЛНЦЕ

Книга стиховъ вторая.

Москва, 1914 г.

Издательство литературн. К° ФУТУРИСТОВЪ „ГИЛЕЯ“.

3

ФУТУРИСТЫ

„ГИЛЕЯ“

Бенедиктъ Лившицъ.

Волчье солнце

КНИГА СТИХОВЪ ВТОРАЯ.

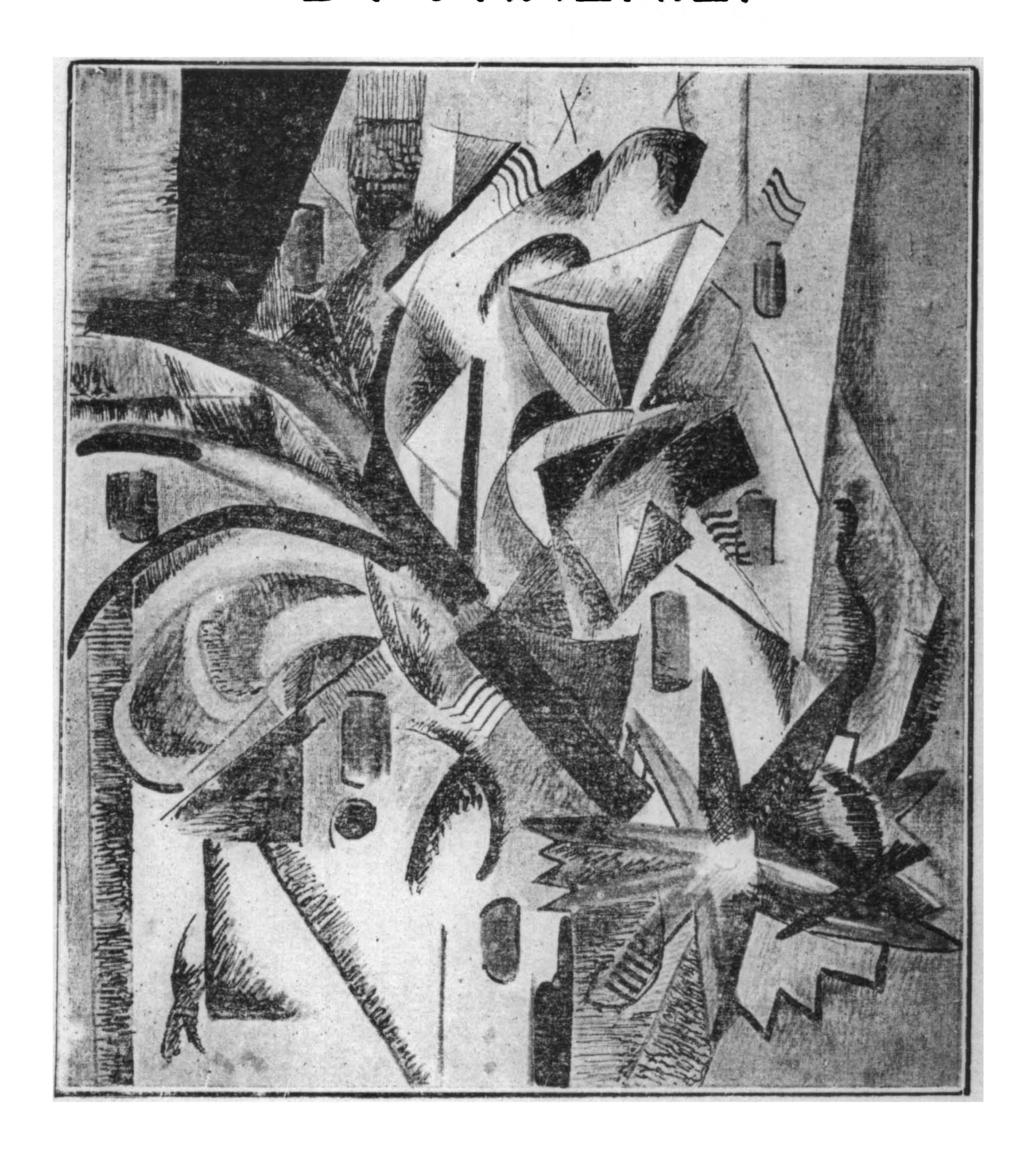
Москва, 1914 г.

Издательство литературн. К° ФУТУРИСТОВЪ „ГИЛЕЯ“.

Вѣрѣ Вертеръ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

рисун. А. ЭКСТЕРЪ.

ПЬЯНИТЕЛИ РАЯ.

Пьянитель рая, къ легкимъ свѣ-
тамъ
Я восхожу на мягкій лугъ
Уже тоскующимъ поэтомъ
Послѣдней изъ моихъ подругъ,—
И дольней пѣснію томимы,
Облокотясь на облака,
Фарфоро́вые херувимы
Во снѣ качаются слегка,—

И, въ сновидѣньяхъ замирая,
Вдыхаютъ заозерный медъ
И голубыя розы рая
И голубь розовыхъ высотъ.
А я пою и кровь и кремни
И вѣчно-женственный гашишъ,
Пока не вступитъ мой преемникъ,
Раздвинувъ золотой камышъ.

—

ПАЛЬМА ПРАВЕДНИКА.

ВОЗВРАТЪ.

АЛЕКСАНДРЫ ЭКСТЕРЪ.

Едва навѣянный Евтерпѣ,
Изваивая облака,
Изъ вай, вечерній златочерпій,
Ты тронешь стебли тростника
О золотомъ закатѣ пѣны,
Приречномъ посреди стрекозъ,
На блѣдный лугъ, тобой забвенный
За розами метаморфозъ,
И принесешь уклоны крылій
И собранный вечерній сокъ
Влюбленной больше райской пыли
Къ загару отроческихъ щекъ.

ЦѢЛИТЕЛЬ.

Бѣлый лѣкарь, недозрѣлый трупикъ
Большеглазаго Пьеро,
Выраставшій вымышленный тропикъ
Въ мартовское серебро.
Нѣтъ, не пыль дождливаго клавира,
Ты стѣсняешь бѣлизной
Всѣ широкія слова на эро,
Всѣ слова въ цѣлебный зной.
Колыхаясь бѣлымъ балахономъ
Туфлѣ въ тактъ и сердцу въ тактъ,
Праведникъ въ раю благоуханномъ,
Вотъ—нисходишь на смарагдъ.

НЕКРОЛОГЪ.

О тропикѣ трепетный клоунъ
Изъ крапинъ запретныхъ рябо
На всемъ балахонѣ во что онъ
Игралъ головой би—-ба—бо?
На счастіе въ лиліи передъ
Америкою тишины
Онъ замеръ и сѣверомъ мѣритъ
Отпущенницъ райской весны,
Чья полузнакомая вѣра
Смарагдами ограждена
Въ широкое слово на эро,
Бѣжавшее строгаго сна.

Снѣга.

СТЕПЬ.

Раскруживайся въ асфодели,
Въ рябыя сонмища галчатъ,
По пеленѣ твоей звучатъ
Упорныя віолончели.

И луковицы взаперти
Забудь тепличными цвѣтами.
Вздыбясь щербатыми крестами
На поворотѣ расцвѣти.

ЛОГОВО.

Въ тычинковый подъяты ростъ
Два муравьиныхъ коромысла—
Изъ нищей лужи рыжій мостъ
Уходитъ къ сѣвамъ Гостомысла,

И паутинная весна,
Забившаяся въ уголъ клѣти,
По темнымъ угородамъ сна
Трепещетъ посреди веретій.

ТЕПЛО.

Вскрывай орѣховый животъ,
Медлительный палачъ бушмена:
До смерти не растаетъ пѣна
Твоихъ старушечьихъ заботъ.

Изъ вѣчно-желтой стороны
Еще не додано объятій—
Благослови пяту дитяти,
Какъ парусъ, падающій въ сны.

И мирно простираясь ницъ,
Не знай, что за листами канувъ,
Павлиній хвостъ въ ночи курга-
новъ
Сверлитъ отверстія глазницъ.

НОЧНОЙ ВОКЗАЛЪ.

ДАВИДУ БУРЛЮКУ.

Мечомъ снопа опять разбуженный паукъ
Закапалъ по стеклу корявыми ногами.
Мизерикордіей!—не надо лишнихъ мукъ.
Но ты въ дверяхъ жуешь лѣниво сапогами,
Глядишь на лысину, плывущую изъ розъ,
Солдатскихъ черныхъ розъ молочнаго прилавка,
И въ животѣ твоемъ подъ вѣтеркомъ стрекозъ
Легко колышется подстриженная травка.
Чугунной молніей—извивъ овечьихъ бронь!
Я шею вытянулъ вослѣдъ бѣгущимъ овцамъ.
И снова спитъ паукъ, и снова тишь и сонъ
Надъ мертвымъ—на скамьѣ—въ хвостахъ—виноторговцемъ.

КІЕВЪ.

Поправъ печерскіе шафраны,
Печально чертишь лобъ врага
Сквозь аракчевскія раны
Въ оранжерейные снѣга,
Чтобъ Михаилъ, а не Меркурій
Простилъ золотоносный ростъ,
Соперничающій въ лазури
Съ востоками софійскихъ звѣздъ
За золотые, залитые
Невѣрнымъ солнцемъ первыхъ
лѣтъ,
Сады, гдѣ выею Батыя.
Охваченъ университетъ.

Серебряный медъ.

АНДРОГИНЪ.

Ты выростаешь изъ кратера,
Какъ стебель, призванный луной:
Какая медленная вѣра
И въ ночь и въ то, что ты со
мной!
Пои, пои жестокой желчью
Бѣгущіе тебя цвѣты:
Я долго буду помнить волчью
Дорогу, гдѣ блуждала ты,
Гдѣ въ часъ, когда изсякла вѣра
Въ невоплощаемые сны,
Изъ сумасшедшаго кратера
Ты доплеснулась до луны.

ЛУННЫЯ ПАВОДИ.

Бѣлѣй, любуйся изъ ковчега
Цвѣтами мѣловой весны.
Забудь, что плѣнна эта нѣга
И быстры паводи луны.

Хмѣлѣй волненьемъ легкихъ бѣлевъ:
Я въ нихъ колеблюсь, твой женихъ,
Я приближаюсь, обезцѣливъ
Плесканья свѣтлыхъ рукъ твоихъ.

Взгляни—кровавоодноокій
Не свѣетъ серебра пещеръ:
Распластываю на востокѣ
Прозрачный вѣеръ лунныхъ вѣръ.

ГИБРИДА.

Не собранъ полнолунный медъ
И ждутъ серебрянные клады
Хрустальныхъ пчелъ, и водометъ
Вѣнчальнымъ вѣеромъ цвѣтетъ,
И свѣтлымъ вѣтромъ рѣютъ
хлады,

А ты въ иныя серебра
Скользишь селеньями Селены,
Забывъ у томнаго шатра
Протянутый въ твое вчера
Мой гіацинтъ, мой цвѣтъ нетлѣн-
ный.

И вновь изъ дальняго ручья,
Рожденная въ напрасномъ словѣ,
Приподымаешься—ничья!—
Возлить трилистникъ лезвія
Луннѣющаго наготовѣ.

ОБѢТОВАНІЕ.

Еще не день, но ты — растаявъ —
Изъ тѣни въ тѣнь, изъ плѣна въ плѣнъ,
Кружишь полями горностаевъ
Надъ черными плечами стѣнъ.

Ни воздыханій, ни погони:
Не полюбивъ печальный хоръ,
Паду ли въ дольнія ладони,
Опальный гіацинтофоръ?

Слабѣютъ знаки Люцифера,
Траву колышатъ голоса,
И на землѣ твой перстень, Вѣра,
Блеститъ, какъ Божія роса…

ПОЛДЕНЬ.

Изъ двухъ цвѣточныхъ половинъ
Я выбралъ царствіе пчелиной
И—какъ Адамъ въ кругу--одинъ
Замкнутъ созрѣвшею долиной.

О, полурай, гдѣ нѣжный шагъ
Еще не источаетъ ковы,
Гдѣ ангелоподобный врагъ
Хранитъ мой облакъ лепестковый.

Слегка согбенное дитя,
Приникшее къ благоуханнымъ
Оградамъ, падай, очертя
Чело моимъ вѣнкомъ медвянымъ.

ИСПОЛНЕНІЕ.

Прозрачны знои, сухи туки,
И овенъ явленный пріятъ:
Сквозь облакъ яблоневый руки
Твои бѣлѣютъ и томятъ.

Кипящій мечъ изъ синей пыли
Погасъ у вратъ — и день прошелъ:
Ладони книзу, склономъ лилій
Ты, словно въ сердце, сходишь
въ долъ.

Цвѣтоносецъ въ опалѣ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Расплещутся долгія стѣны
И вдругъ, отрезвившись отъ розъ,
Крылатый и благословенный
Плѣнитель жемчужныхъ стрекозъ,

Я стану тяжелымъ и темнымъ,
Какимъ ты не знала меня,
И не догадаюсь, о чемъ намъ
Увядшее золото дня

Такъ тускло и медленно блещетъ,
И не догадаюсь, зачѣмъ
Въ густѣющемъ воздухѣ рѣзче
Надъ садомъ очертится шлемъ,—

И только въ изгнаньѣ поэта
Возникнетъ и ложе твое
И въ розы печальнаго лѣта
Архангелъ струящій копье.

ІЮЛЬ.

Въ небѣ—бездыханныя віолы,
На цвѣтахъ—запекшаяся кровь;
О, іюль, тревожный и тяжелый,
Какъ моя молчащая любовь!
Кто раздавитъ согнутымъ колѣномъ
Пламенную голову быка?
И, презрѣвъ меня, ты рѣешь тлѣномъ,
Тонкимъ воздыханіемъ песка,—
Въ строго-многоярусные строи
Зноемъ опаляемыхъ святыхъ,—
И за малымъ облакомъ перо и
Свѣтлый врагъ въ покровахъ золотыхъ.

АЛЛЕЯ ЛИРЪ.

И вновь—излюбленныя латы
Излучены въ густой сапфиръ—
Въ концѣ твоей аллеи, сжатой
Рядами узкогорлыхъ лиръ...
И вновь—твои часы о небѣ
И вайи и пресвѣтлый клиръ,
Предавшая единый жребій
И стебли лебединыхъ лиръ...
И вновь—кипящій златомъ гравій
И въ просиняхъ дрожащій міръ—
И ты восходишь къ нѣжной славѣ
Отъ задыхающихся лиръ!

ФОРЛИ.

За рубежомъ—теченье ясныхъ
латъ:
Склонись въ затонъ, живой одними
нами...
Надолго ли мы включены въ за-
катъ
И тонкими владѣемъ именами?
Надолго ли?—о нѣтъ, окаменѣй,
Во мраморѣ зарозовѣй надъ
міромъ
Плывущихъ словъ и вѣроломныхъ
дней,
Опоена закатнымъ элексиромъ.
Ты улыбнулась: мы обручены
До перваго жемчужнаго укола:
Разводы влаги—кольца тишины,
И облако—твоя романьуола...

Фосфены.

СЕНТЯБРЬ.

Александрѣ Экстеръ.

Воспоминанья столькихъ маевъ,
(Мы жили маями!)
Кольцо твоихъ послѣднихъ устъ,
(Не будетъ этихъ легкихъ устъ!)
Онѣ уйдутъ съ лица, растаявъ,
(Онѣ уже почти растаяли!)
О золото сентябрьскихъ уздъ,
Невѣрныхъ уздъ!
Предательскій сентябрь! Нефри-
томъ
Волнуется мое окно
И каменѣетъ недопитымъ—
Въ стаканахъ—тяжкое вино...
И все настойчивѣй и пристальнѣй
Мечи вина,
Тяжелые мечи вина,
И пристальнѣй изъ—за окна
Встревожнныя мачты пристаней.

-— Ахъ, я должна...
— Останься, сжалься ..
Волна окна...
Волна нефритоваго вальса...
Унесена.. унесена ты
Нефритовымъ виномъ окна...
Сентябрь проклятый!

СОСѢДИ.

Въ сиреневомъ лѣтѣ, въ сире-
невомъ дымѣ—
Я вижу! я вижу!—сосѣди
(Въ просвѣтѣ прошедшая лэди
Была въ діадимѣ)
Возносятъ бокалы.
Но я ли, усталый
Отъ этой расплаты,
Приму ихъ увядшія крылья,
Ихъ длинныя—длинныя крылья,
И каждый горбатый
Языкъ воскового вина?
Я знаю, что каждая лэди
Уже въ діадимѣ:
Ей снится: въ сиреневомъ дымѣ
Она возноситься должна.
И мнѣ ли—сухія копытца
По лѣстницѣ? Мальчикъ глядится
Въ таблицу изъ мѣди,

Коричневый, широкоскулый,
Въ измятомъ вѣнкѣ бересклета:
Какъ плещется круглое пламя!
Какъ множатся трубные гулы
Иного широкаго лѣта!
Но никнутъ все ниже крылами
Сосѣди—и только одна,
Высокая, въ узкой одеждѣ,
Рукой, удлинившейся въ стебель,
Рукой, расцвѣтающей въ небѣ,
Возноситъ, какъ прежде, какъ
прежде,
Бокалъ воскового вина.

БЫКЪ.

Отбѣжали... Вышелъ чинно.
Жмешь мнѣ руку, не любя:
Сколько розовыхъ снѣжинокъ
На ладони у тебя!

Тѣ четыре—словно крысы.
Вотъ и красный. Ждетъ съ копь-
емъ.
Есть еще! Ну что же, высыпь...
Дальній запахъ раны пьемъ.

Это въ шутку, иль опасно?
Замираютъ вѣера...
Онъ за краснымъ! Онъ за кра-
снымъ.!
Браво, браво, браво, бра..
А!...

46

ПОСЛАНІЯ.

СКОРПІОНОВО РОНДО.

Не вѣя вѣтромъ, въ часѣ золо-
томъ
Родиться княземъ изумрудныхъ
рифовъ
Иль псаломопѣвцемъ, въ чьемъ
вѣнкѣ простомъ
Не роза--нѣтъ!—но перья мер-
твыхъ грифовъ,

Еще трепещущія отъ истомъ.
Раздвинувъ кустъ, увидѣть за
кустомъ
Недвижный рай и, кончивъ трудъ
сизифовъ,
Уснуть навѣки, ни однимъ ли-
стомъ
Не вѣя...

О мудрость ранняя въ саду пу-
стомъ!
О вѣтръ Гилеи, вдохновитель
скиѳовъ!
О вѣеръ каменный, о тлѣнъ ле-
киѳовъ!
Забудусь ли, забуду ли о томъ,
Что говорю, безумный хризостомъ,
Невѣ я?

В. А. Вертеръ-Жуковой.

Сонетъ-акростихъ.

Вашъ трубадуръ—крикунъ, вашъ вѣрный шутъ—повѣса
(Ахъ, пестрота измѣнъ—что пестрота колѣнъ)
Вашъ тигръ, сломавши клѣть, бѣжалъ въ глубины лѣса,
Единственный вашъ рабъ—арапъ—клянетъ свой плѣнъ.
Разувѣренія?--нашептыванья бѣса!
Тревожныя крыла—и въ лиліяхъ явленъ
Едва замѣтный крестъ... О узкая принцесса,
Разгнѣванная мной, вы золотѣй Малэнъ:
Желтѣли небеса и умолкали травы,
Утрѣло, можетъ быть, впервые для меня,
Когда я увидалъ—о свѣжія оправы
Очнувшихся деревъ! о златовѣстье дня!—
Вашъ флорентійскій плащъ, летящій къ небосклону,
Аграфъ трехлилійный и тонкую корону.

МАТЕРИ.

Сонетъ-акростихъ.

Такъ строги Вы къ моей веселой славѣ,
Единственная! Развѣ Веліаръ,
Отвергшій всѣхъ на босховомъ конклавѣ,
Фуметой всуе увѣнчалъ мой даръ?

Иль это страхъ, что новый Клав-дій—Флавій,
Любитель веліаровыхъ тіаръ,
Іезавелью обречется лавѣ—
Испытаннѣйшей изъ загробныхъ каръ?

Люблю въ преддверьѣ перваго Сезама
Играть въ слова, ихъ вѣроломный другъ,
Всегда готовый къ Вамъ вернуться, мама,

Шагнуть назадъ, въ недавній дѣтскій кругъ,
И пріобщиться чистаго бальзама—
Цѣлебной ласки Вашихъ тихихъ рукъ.

Николаю Бурлюку.

Сонетъ-акростихъ.

Не тонкимъ золотомъ Мирины
Изнѣженъ дальній посохъ твой:
Кизилъ Геракла, волчій вой—
О строй лѣсной! о путь старин-
ный!
Легка заря, и въ логъ звѣриный,
Апостольски шурша травой,
Юннѣй, живѣй воды живой
Болотные восходятъ крины.
Усыновись пришлецъ! Давно-ль
Ручьиныя тебѣ лилеи?
Лукавый моховой король,
Ютясь, поникнетъ въ гоноболь,
Когда цвѣтущій жезлъ Гилеи
Узнаетъ сѣверную боль...

Давиду Бурлюку.

Сродни и скиѳу и ашантію
Гилеецъ въ модномъ котелкѣ,
Свою тропическую мантію
Ты плещешь въ сини, вдалекѣ.
Не полосатый это парусъ ли,
Плясавшій нѣкогда рябо,
Прорвавшись въ мюнхенскія заросли
На пьяномъ кораблѣ Рембо?
Несомый по морю и по лѣсу
Четырехмѣрною рѣкой,
Не къ третьему-ль земному полюсу
Ты правишь легкою рукой?
Проплылъ—и таешь въ млечной темени,
Заклятья вѣрныя шепча:
Сквозь котелокъ встаютъ на темени
Пророческіе два луча.

ЛЮДИ ВЪ ПЕЙЗАЖѢ.

Люди въ пейзажѣ.

Александры Экстеръ.

I.

Долгіе о грусти ступаемъ стрѣлой. Желудѣютъ по канаусовымъ яблонямъ, въ пепелъ оливковыхъ запятыхъ, узкія совы. Чернымъ объ опочившихъ поцѣлуяхъ медомъ пустъ осьмигранникъ, и коричневыми газетныя астры. Но тихія. Ахъ, милый поэтъ, здѣсь любятся не безвременьемъ, а къ развѣяннымъ облакамъ! Это правда: я уже сказалъ. И еще болѣе долгіе, опепленные былымъ гіацинтофоры декабря.

II.

Уже изогнувшись павлиньими по елочному звѣздами, теряясь хрустящіе въ ширь. По иному блѣдныя, залегшія спины—въ ряды! въ ряды! въ ряды!—ощериваясь умерщвленнымъ виноградомъ Поэтамъ и не провинціальнымъ голубое. Все плечо въ мѣлу и двухъ пуговицъ. Лайковымъ щитомъ—и о тонкихъ и легкихъ пальцахъ на вѣки, на клавиши. Ну, смотри: голубые о холодѣ стога и—спинами! спинами! спинами!—лунной плевой оголубѣвшіе тополя. Я не зналъ: тяжело голубое на клавишахъ вѣкъ.

III.

Глазами, заплеванными верблюжьимъ моремъ собственныхъ хижинъ—правовѣрное о цвѣтѣ и даже известковыхъ лебедяхъ единодушіе моря, стѣнъ и глазъ! Слишкомъ быстро зимующій рыбакъ Белерофонтомъ. И не надо. И овальными--о гимназическій орнаментъ!--вѣерами по мутно-серебряному ветлы, и вдоль насъ короткій усердный уродецъ, пиками вникающій по льду, и другой, удлиняющій носъ въ безплодную прорубь. Полутораглазый по рѣкѣ, будемъ сегодня шептунами гилейскихъ камышей.

59

КНИГИ РУССКИХЪ ФУТУРИСТОВЪ

КАТАЛОГИ ИЗДАТЕЛЬСТВЪ.

1908—1914 г.г.

МОСКВА—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

(Литературной Компаніи Футуристовъ)

„ГИЛЕЯ"

Дохлая луна (огранич. количество — осталось — — — — — 1 р. 50 к.

Молоко кобылицъ (Мирістель:)

Каменскій, Маяковскій, Игорь-Сѣверянинъ, Бурлюки, Хлѣбниковъ, Крученныхъ, Лившицъ, Экстеръ. Стихи, статьи, рисунки, литографіи.

Сборникъ рисунковъ: печатается Бурлюки; Давидъ Владиміръ

Предисловіе Николай Бурлюкъ.

Склады изданій:

Москва. „Современныя проблемы" Никитск. ул.
Петербургъ. Невскій проспектъ „Поповъ".
Москва.—Карбасниковъ—Моховая ул.

Хлѣбниковъ „Творенія“ т. I. 1 р.

Владиміръ Маяковскій трагедія „Владиміръ Маяковскій“ — 1 р.

1-й № „**Первый Журналъ Русскихъ Футуристовъ**“ издатель Д. Бурлюкъ редакторъ В. Каменскій.

В. **Маяковскій** И. Сѣверянинъ **Хлѣбниковъ**, В. Каменскій, Б. Лившицъ, Давидъ, Владиміръ и Николай Бурлюки. А. Экстеръ, Васильева.

Б. **Лившицъ**. II-я книга стиховъ „Волчье солнце“ рисунки цвѣтныя репрод. Экстеръ. Васильева. I-я книга „Флейта Марсія“.

Издательство Журавель

Садокъ Судей, I сборникъ (распродано) оставшіеся въ не большомъ количествѣ продаются у Митюрникова по 50 р. СПБ. Литейный.

Садок Судей II сборникъ.

Садокъ Судей III сбор. (печатается)

Осеній Сонъ—Е. Гуро (†)

Шарманка ея-же

„Трое"—ц. 1 р. Гуро. Хлѣбниковъ. Малевичъ. Крученныхъ.

„Рыкающій Парнасъ" — -- 1 р. 50 к.

ИЗД. БУТКОВСКОЙ.

Студія импрессіонистовъ, цѣна 1 р. 50 к.

Свободная музыка, цѣна 2 руб.

ИЗД. ОБЩ. ИНТИМНАГО ТЕАТРА:

Кульбинъ, цѣна 50 к

Изданіе Общества Художниковъ

„СОЮЗЪ МОЛОДЕЖИ"

Сборникъ № 1, Апрѣль, 1912 г. (распроданъ.)
Сборникъ № 2, Іюнь 1912 г. — 50 к.
Сборникъ № 3, Мартъ 1913 г. — 1 р.
Сборникъ № 4, 1914 г. — (готовится)
Вячеславъ Егорьевъ и Владиміръ Марковъ.

Свирѣль Китая; собраніе стихотвореній китайскихъ поэтовъ съ біографіями (печатается).
Глезъ и Мецанже. „Du Cubisme" въ переводѣ. „Союза Молодежи".
І. Школьникъ и О. Розанова. Сборникъ рисунковъ (печатается).
Владиміръ Марковъ. Принципъ Фактуры (готовится).

Бургеръ. Сезаннъ и Ходлеръ (печатается).
Дав. Дав. Бурлюкъ. Галдящіе „Бенуа" и Новое Русское національное искусство. Разговоръ г. Бурлюка, г. Бенуа и г. Рѣпина — 20 коп.

Складъ изданій „Союза Молодежи"
С.-П.-Бургъ, Графскій, 5.

ЧЕТЫРЕ ЖЕНЩИНЫ.

РИСУНКИ
Давида Д. Бурлюка.

Бенъ, посвящаю тебѣ
рисунки;
не сердись за опечатки.

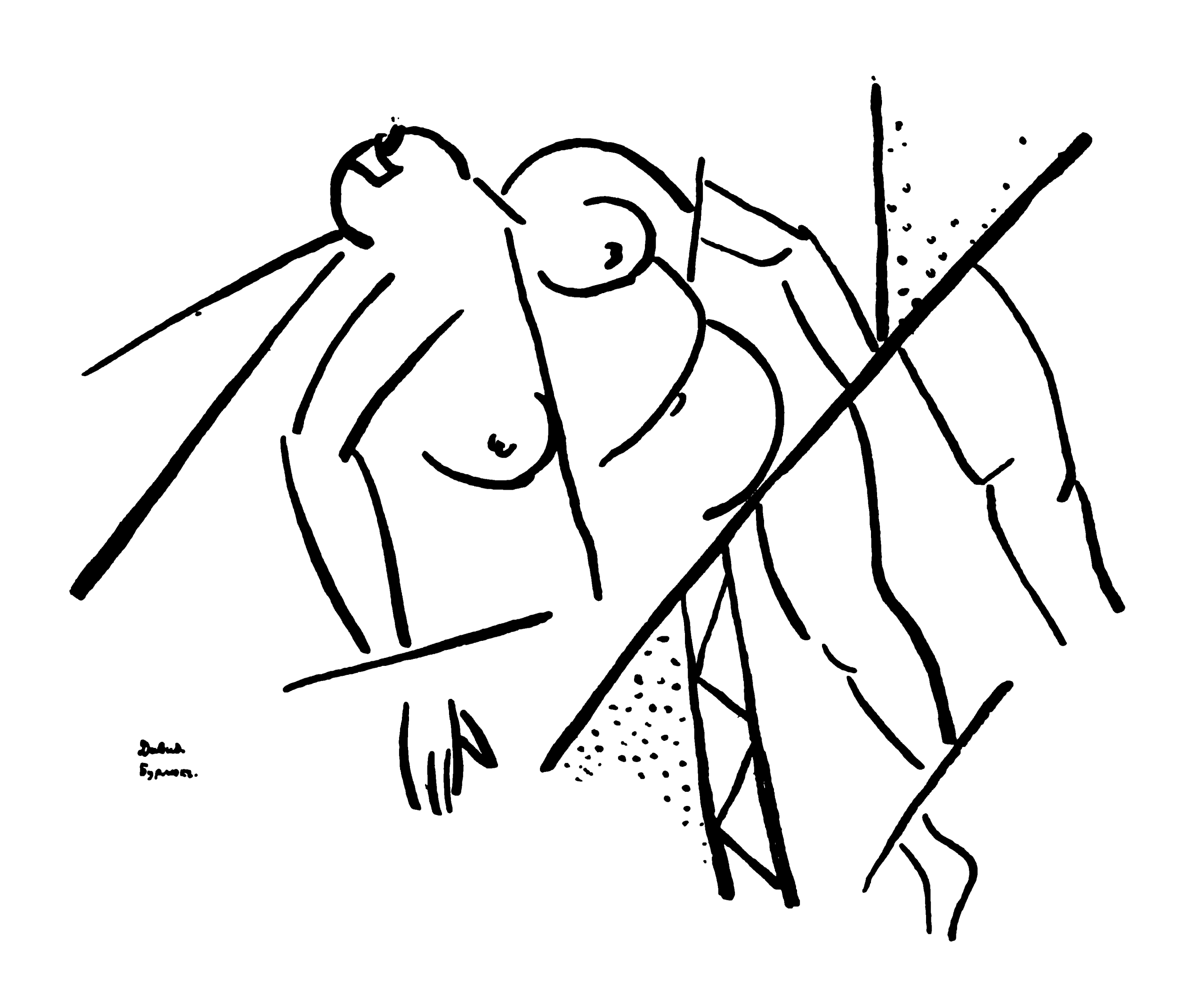
Д. Д.

Давид
Бурлюк.

5-1/4

Давид
Бурлюкъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

57a

І-я книга стиховъ Б. Лившица
«Флейта Марсія»—

Кіевъ.

как҆ъ устъ румяныхѣ...

Стр. II.	—	Стр. 2-я	—	Александрѣ.
— 28	—	Стр. 15	—	божія.
— 33	—	Стр. 15	—	изгнаньи.
— 55	—	Стр. 3	—	Александрѣ.
				и др.

Цѣна 80 к.

г. ХЕРСОНЪ.

Электро-типографія „Экономія“ Ф. Наровлянскаго и Ш. Фаерман